

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 259–266
Speech Genres, 2021, no. 4 (32), pp. 259–266
<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-259-266>

Научная статья
УДК 81'23'38

От хулилок к трэш-току: эволюция жанра

В. Н. Базылев

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Россия, 101000,
г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор Школы иностранных языков, v-bazylev@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8952-9485>

Аннотация. Статья посвящена речевому жанру «трэш-ток». Термин, пришедший в современный русский язык из английского, обозначает речевую практику, при которой в адрес соперника формулируются высказывания оскорбительного характера, призванные вывести оппонента из психологического равновесия. Может считаться одной из форм хвастовства или оскорбления в конкурентных ситуациях. Исследование находится в контексте работ, отечественных и зарубежных, посвященных инвективной практике в русской лингвокультуре, которые не только представляют собой константу, но также эволюционируют. Учитываются при этом такие тенденции, как национально-специфическое vs. универсальное, лингвистическое vs. экстралингвистическое, развитие новых явлений на национальной почве vs. заимствования. Постулируется, что трэш-ток, если использовать этот термин в узком значении, является автохтонным для русской лингвокультуры. Методика исследования заключалась в сравнении описания речевой практики с эталоном. Были сформулированы эталоны «обвинение», «унижение» и «гиперидентичность», компонентами описания которых выступили лингвистические и психологические признаки, что ориентирует исследование на парадигму психолингвистики. Это оправдано тем, что трэш-ток балансирует на грани языка и психики. В итоге процедуры сравнения мы можем прийти к заключению о соответствии или несоответствии между этими описаниями. Материалом для нашего исследования стали открытые интернет-источники, содержащие в формате текста или видео примеры трэш-тока как элемента речевого поведения персонажей. В результате исследования удалось описать и систематизировать речевые цели – убеждение и демонстрацию, использование образных, стилистически маркированных, экспрессивно окрашенных средств, психологические манипулятивные средства побуждения и угрозы. В заключении статьи намечены перспективы исследования, связанные с такими жанрами, как flaming, flyting, sledging, wolf-whistling, cat-calling, street-harassment и под.

Ключевые слова: трэш-ток, инвектива, метод эталонов, речевой жанр, психолингвистика, обвинение, унижение, гиперидентичность

Для цитирования: Базылев В. Н. От хулилок к трэш-току : эволюция жанра // Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 259–266. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-259-266>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

From hooligans to thrash talk: Evolution of the genre

V. N. Bazylev

Higher School of Economics National Research University, 20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russia

Vladimir N. Bazylev, v-bazylev@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8952-9485>

Abstract. The article deals with the thrash talk as a speech genre. The term, which came to modern Russian from English, refers to a speech practice in which offensive statements are formulated against the opponent,

designed to disturb the opponent's psychological equanimity. It can be a form of bragging or insulting in competitive situations. The research was conducted in the context of Russian and foreign works on invective practice in Russian linguoculture, which not only represent a constant, but evolve as well. Such problems as the correlation between national-specific and universal aspects, linguistic and extralinguistic aspects, development of new phenomena on a national basis and borrowings are taken into account. Thrash-talk, if we use this term in a narrow sense, is autochthonous for Russian linguoculture. The methodology of the study is based on the comparison the description of speech practice with the standard. For our purposes we have formulated the standards "accusation", "humiliation" and "hyperidentity", the components of the description of which were linguistic and psychological features. Thus, we can say that our research is carried out within the paradigm of psycholinguistics. This is justified by the fact that thrash talk balances on the edge of language and psyche. As a result of the comparison procedure we can conclude that there is a correspondence or discrepancy between these descriptions. The basis of our research were open Internet sources that contain examples of thrash talk as an element of characters' speech behavior in texts or videos. As a result of the study it was possible to describe and systematize speech goals – persuasion and demonstration, the use of figurative, stylistically marked, expressively colored language means, psychological manipulative means of inducement and threat. In conclusion the article outlines the prospects for research related to such genres as flaming, flying, sledging, wolf-whistling, cat-calling, street-harassment, etc.

Keywords: thrash talk, invective, standard method, speech genre, psycholinguistics, accusation, humiliation, hyperidentity

For citation: Bazylev V. N. From hooligans to thrash talk : Evolution of the genre. *Speech Genres*, 2021, no. 4 (32), pp. 259–266 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-259-266>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение в тему

Любой жанр со временем претерпевает формальные и содержательные изменения. Этот тривиальный тезис обуславливает, однако, весьма важные с научной точки зрения перспективы исследований: описание речевой картины, т. е. состояние речи, ее изменения и тенденции. Этот тезис принадлежит В. В. Дементьеву, так же как установка на то, что жанры эволюционируют в изменяющемся мире, сохраняя при этом свои креационистские потенции. При этом необходимо учитывать такие тенденции, как национально-специфическое vs. универсальное, лингвистическое vs. экстралингвистическое, развитие новых явлений на национальной почве vs. заимствования [1: 178–179]. Помимо этого, как полагает Н. Н. Кошкарлова, анализ коммуникативных практик в синхронии и диахронии дает возможность не только описывать существующее положение дел с номенклатурой жанров, но и прогнозировать развитие жанрового пространства [2: 219].

Названные предпосылки в полной мере относятся к изучению речевого жанра трэш-тока. Термин, пришедший в современный русский язык из английского, обозначает высказывания в адрес соперника, чаще оскорбительного характера, призванные вывести оппонента из равновесия, одну из форм хвастовства или оскорбления в конкурентных

ситуациях, например, в спортивных состязаниях и многопользовательских играх.

Контекст исследования

Разумеется, заимствование термина не должно вводить в заблуждение: новое слово не всегда обозначает новое лингвокультурное явление. Под высказываниями оскорбительного характера в русской речевой культуре изначально понимались сквернословие, брань, хамство и под., что всегда вызывало живой интерес в отечественной филологии [3, 4]. В. И. Жельвис в конце 90-х гг. обобщил это как инвективную практику, проанализировал всю серию эмотивных средств и дал их национально-специфическую и тематическую характеристику. Особо он остановился на взаимоотношении инвективы и ритуала [5: 71 сл.]. Помимо названной фундаментальной работы в начале нулевых в издательстве «Ладомир» вышел сборник статей, специально посвященных инвективности в связи с проблемами функционирования сознания и подсознания, дисфемизации и табу, в котором была опубликована статья В. В. Дементьева о взаимоотношении инвективности и межличностных отношений [6: 35 сл.].

Все это актуально для сегодняшней русской лингвокультуры: инвективные практики представляют собой не только ее константу, они эволюционируют. Э. Лассан, например, сделала объектом своего исследования рэп-баттл как новый вид социального воздействия и выражения вербальной агрессии в политическом дискурсе, рассмотрев этот жанр как

легитимизацию речевой агрессии в обществе тотальной агрессии [7: 314].

В этом же ряду, с нашей точки зрения, логично рассматривать сегодня речевой жанр трэш-тока.

Говоря о контексте нашего исследования и учитывая тот факт, что его объект вместе со словом может считаться заимствованным, кратко обрисовываем сферу интереса к нему в западноевропейской лингвистике.

Германистика, в первую очередь англистика, в основном понимает трэш-ток как элемент спортивных состязаний, задача которого вербально деморализовать противника; в основном обращается внимание на лексический состав высказываний (отдельных реплик) с точки зрения использования гипербола и метафор. Диахронически материал ограничивается возведением этой речевой практики к 60-м гг. XX в. и считается признаком американской лингвокультуры; особый интерес вызывает на этом фоне гендерно ориентированное речевое поведение в спорте.

Немецкая лингвистика, отталкиваясь от приведенного выше понимания трэш-тока, добавляет в исследование интерес к речевому поведению спортсменов в хоккее, футболе, баскетболе и крикете, ориентируясь при этом преимущественно на англосаксонскую речевую практику, а не собственно немецкую.

Французская лингвистика, также ориентируясь в исследовании трэш-тока на американские речевые практики, проявляет интерес к собственно французским аналогам при игре в покер, т. е. в карточных играх [8, 9].

Говоря об интересе к трэш-току в зарубежной лингвистике, мы должны констатировать, что он ограничивается пока фрагментарными публицистическими материалами популярного характера и не носит систематического характера. То же можно сказать и об отечественной лингвистике: целевых исследований трэш-тока у нас пока нет.

Трэш-ток: заимствованное и автохтонное

Если речь вести о диахроническом исследовании не просто фрагментов речевой картины, представленных обсценной лексикой (бранью, матом и под.) и вкрапленных в различные тексты типа анекдота, а о речевом жанре, то в первую очередь следует учесть фундаментальное изучение хулигельных песен.

От первых сугубо филологических работ, посвященных общеиндоевропейским корням этого жанра и принадлежащих В. М. Жирмунскому и М. И. Стеблин-Каменскому [10, 11], интерес лингвистов перешел от скальдических хулигельных стихов [12], т. е. материала за-

падноевропейских лингвокультур, к собственно русскому.

В сравнительно-историческом исследовании сюжетных функций перебранок в сагах и былинах Г. М. Казаков и Н. В. Петров устанавливают их типологическое, а не генетическое, сходство [13]. Анализируя зачин «Слова о полку Игореве», Л. В. Соколова отмечает, что Боян пел нечто вполне определенное по смыслу – либо только хвалу, либо только хулу, что можно заключить из тех двух образцов бояновых песен Игорю, которые приводит автор «Слова» [14: 68–69].

Исследования русского эротического фольклора [15], солдатских корильных песен (хулигельных песен о врагах) XVIII–XX вв. [16: 3–4], крестьянской бытовой песни [17: 181–182], в т.ч. хулигельных колядок и под. свидетельствуют о том, что инвективная «болтовня» как одна из форм хвастовства или шуточного (игрового) оскорбления в любых конфликтных ситуациях – от выставления противника на войне в уничижительной характеристике до обругания прижимистых хозяев, которым жалко одарить колядующих, и использующая разнообразные приемы языковой игры – от гиперболоизации до каламбура, входила в семиосферу русской лингвокультуры.

Жанр, именуемый песня-поношение, рассматривается сегодня с позиций автохтонности на примерах творчества русского рок-поэта Васи Обломова с целью определить, насколько текст современного поэта соответствует традиционному жанру русских хулигельных песен, а в какой части расходится с ним [18].

Вышеприведенные исследования русской лингвокультуры позволяют заключить, что трэш-ток, если отвлечься от использования этого термина в узком значении как обозначение речевого субжанра в сфере спортивных состязаний и многопользовательских играх, является автохтонным для русской лингвокультуры.

Следовательно, применительно к данному речевому жанру можно говорить о том, что он реализует универсальное на национальном речевом материале.

В подтверждение сказанному вспомним Некрасовские строки: «Его преследуют хулы: || Он ловит звуки одобренья || Не в сладком ро- поте хвалы, || А в диких криках озлобленья».

Материал и методика

Материалом для нашего исследования стали открытые интернет-источники, содержащие в формате текста или видео примеры трэш-

тока как элемента речевого поведения персонажей¹.

Методика исследования заключалась в сравнении описания речевой практики с эталоном, т.н. методика эталона. Для наших целей мы сформулировали эталоны «обвинение», «унижение» и «гиперидентичность», компонентами описания которых выступили лингвистические и психологические признаки. Таким образом, можно говорить о том, что наше исследование ориентировано на парадигму психолингвистики. Это оправдано тем, что трэш-ток балансирует на грани языка и психики. В итоге процедуры сравнения мы можем прийти к заключению о соответствии или несоответствии между этими описаниями, т. е. установить соотношение собственно лингвистического компонента и экстралингвистического – психологического.

Эталон «обвинение» в своей тематической части содержит речевую характеристику адресата, который обладает резко выраженными отрицательными чертами поведения или деятельности. Выраженная речевая цель – информирование публики о негативном поведении адресата. В обвинении выражается информационная оценка действия последнего, т. е. действие оценивается как действительно произошедшее, выражается этическая оценка – действие характеризуется как не соответствующее общепризнанным нормам; выражается оценка деятельности – действия адресата характеризуются говорящим как вредные, опасные, направленные против интересов адресанта и общества. Психологически внимание аудитории привлекается к ситуации, которая рассматривается говорящим как конфликт между должным и реальным поведением лица. Также психологически текст ориентирует адресата на переоценку предмета речи в негативную сторону, формирует у него новое эмоциональное и смысловое отношение к объекту/предмету речи, т. е. характеризуется когнитивным и эмоциональным компонентами установки.

Эталон «унижение» в своей тематической части содержит описание «специфических» ценностей адресата. Сообщаемая информация – любая негативная, связанная с этим лицом. Психологически внимание аудитории

концентрируется на несоответствии между общественным статусом адресата, в том числе групповых ценностей, и тем, чего он заслуживает, по мнению говорящего. Эксплицитно выражается враждебное отношение со стороны адресанта типа «превосходство» – говорится о неполноценности адресата, он оценивается как недостойный звания «нормальный», как «второсортный», не обладающий необходимыми для носителя данного социального статуса свойствами.

Тем самым говорящий выражает такое отношение к адресату, в котором проявляется его (адресанта) гиперидентичность.

Эталон «гиперидентичность» характеризуется выраженной речевой целью – публичной демонстрацией неуважения к адресату на фоне самовосхваления. Психологическая функция публичного проявления неуважения – эмоциональное убеждение публики в необходимости негативного отношения к предмету речи и собственного превосходства над адресатом, что, с одной стороны, должно вести к ухудшению эмоционального состояния противника (при обращении к нему, диалоге с ним), а с другой – к улучшению собственного эмоционального состояния адресанта за счет эффекта самоподбадривания и разрядки эмоционального напряжения.

Трэш-ток: психолингвистический анализ жанра

Начнем с речевых целей. Основная цель – это убеждение свидетелей данного публичного речевого поведения в необходимости и обоснованности негативного эмоционального отношения к адресату².

Меня зовут Н., и я могу надрать задницу любому сукиному сыну, который здесь находится ... Бедный маленький А., кто вам сказал, что вы являетесь бойцом? ... Бедный, бедный, А. Кто научил вас так бить? Ваша мама?

Далее следует т.н. демонстрация, которая может быть описана следующим образом: я говорю это, чтобы все знали, что я думаю и чувствую.

Ты сладкий. Я хочу убедиться, что ты будешь меня хорошо целовать своими большу-

¹URL: <https://www.championat.com/boxing/article-3294601-desjat-luchshih-treshrokerov-v-istorii-professionalnogo-boksa.html> (дата обращения: 23.09.2020); URL: https://www.championat.com/boxing/article-3294601-desjat-luchshih-treshrokerov-v-istorii-professionalnogo-boksa.html?utm_source=sorupaste (дата обращения: 12.10.2020); URL: <https://ua.tribuna.com/tribuna/blogs/annakrivko/1692866.html> (дата обращения: 12.10.2020); URL: <https://esquire.ru/articles/14912-trash-talk/#part0> (дата обращения: 13.11.2020); URL: <https://veasy.ru/v-mire-sporta/tresh-tok> (дата обращения: 13.11.2020); URL: <https://dota2.ru/news/15346-treshtok-v-dota-2-chast-kultury-ili-put-v-nikuda/> (дата обращения: 13.11.2020); URL: <https://youtube.ru/video/трэш%20токинг> (дата обращения: 14.11.2020); URL: <https://www.sports.ru/basketball/116821306.html> (дата обращения: 14.11.2020); URL: http://gazeta.lenta.ru/sport/16-03-1999_boltun_Printed.htm (дата обращения: 14.11.2020).

²В целях придания языковому материалу инвариантного характера научного объекта исследования он переформатирован в деперсонифицированную форму.

ми губами. И я сделаю тебя своей подружкой... Скажите ему и его отцу, что если они хотят, чтобы их поимели, то всё, что они должны сделать, это постучать в мою в дверь, и они получат это.... Отца, который отправил своего сына на бой со мной, нужно судить за жестокое обращение с детьми... Он выглядит словно задница моего сына – красивая и круглая...

Здесь необходимо особо остановиться на особенностях убеждения аудитории в необходимости негативного отношения к адресату. Эмоциональное отношение к предмету речи может быть выражено намеренно, то есть продемонстрировано, а может целенаправленно формироваться автором у аудитории путем убеждения.

Поэтому возникает вопрос: можно ли говорить о лингвистических признаках побуждения к определенному эмоциональному состоянию, о формируемом текстом эмоциональном отношении, не исследуя реальное состояние, вызываемое им у аудитории? Ответ на этот вопрос достаточно очевиден: можно, если строго различать сформированное отношение, и то отношение, намерение сформировать которое выражено в тексте. Намерение (в данном случае это намерение убедить) может быть исследовано лингвистическими методами. В качестве вспомогательных методов исследования здесь могут использоваться методы анализа намерений и их типы, выработанные в риторике. В качестве главного средства побуждения к формированию отношения следует рассматривать использование образных, стилистически маркированных, экспрессивно окрашенных средств.

Я все жду, когда этот большой уродливый медведь наконец-то обратит на меня внимание...

Конечно, само по себе использование адресантом нестандартного, стилистически маркированного средства еще ни о чем не говорит. Это может быть элемент функционального стиля или средство художественной выразительности, а может и просто бессознательно выбранный образный способ выражения мысли. Как известно, метафора – совершенно естественное средство и для обиходного языка. Побуждать можно и без всяких стилистических приемов. Но такого рода побуждение – побуждение самим типом передаваемой информации – предмет психологического анализа. Лингвистический анализ выявляет собственно лингвистические признаки убеждения: наличие высказываний особого, убеждающего типа (ср. обращения к аудитории, высказывания с функцией аргументации негативного отношения и пр.).

Эй ты, большой уродливый медведь, реши мышцы покачать? А зачем? Видел тут тебя в закуской, ты жрал хот-дог, кажется, их было на тарелке целых пятьдесят. Ну так продолжил бы в том же духе, зачем тренироваться? Ты же понимаешь – все равно просрешь, так хоть поживешь с огоньком перед смертью...

Он слишком уродлив, чтобы быть чемпионом. Чемпион должен быть красивым, как я!

Эксплицитным средством побуждения к формированию отношения к адресату является воззвание к чувствам. Предметом лингвистического анализа в данном случае является не столько отдельные высказывания и их текстовые позиции, сколько семантическая структура всего сказанного о предмете речи.

Если тебе снится, что ты меня побьешь, то тебе лучше проснуться и извиниться... Джо настолько уродлив, что, когда он плачет, слезы разворачиваются и стекают по его затылку...

Последовательное, развернутое убеждение аудитории в необходимости негативного отношения к предмету речи порождает текст, в котором создается неприглядный образ соперника.

Ты вроде казался нормальным парнем, а сейчас я вижу, что ты просто кусок дерьма. Меня нервирует сидеть здесь и разговаривать с таким крысиным куском говна, как ты... Раньше они надирала мне задницу, а теперь лизут её...

В этом тексте говорящий негативно оценивает сам предмет речи, его взгляды и действия; описывает эмоциональное состояние, которое предмет речи вызывает. Поэтому речевые действия по созданию негативного образа оппонента можно условно разделить на уничтожение «личности» противника – *плохой, недостойн, не люблю*, и уничтожение позиции противника – *плохая, недостойная*.

Ты известен как «зверь», и есть причина в том, что ты получил такое прозвище – ты большой, уродливый, потный и волосатый мужик...

Он просто волосатый урод. Я не представляю, как мы с ним сойдёмся в клинче. Он волосатый, как обезьян. Я буду настаивать на том, чтобы он сделал перед поединком восковую эпиляцию.

При констатации в произнесенном тексте признаков сознательного унижения личности противника можно говорить о целенаправленном формировании у адресата речевой эмоции отторжения к предмету речи. Психологически говорящий доводит до сведения публики следующее: он хочет, чтобы она относилась к предмету речи аналогично.

Надеюсь, он действительно позаботится о своей семье, и не пригласит их на бой, а также запретит им смотреть наш поединок по телевизору. Им будет довольно грустно видеть то, что я сделаю с их папой и мужем...

Лингвистическим субэлементом унижения в жанре трэш-тока обязательно выступает угроза. Угроза как речевая цель и средство убеждения совмещает в себе побуждение к действию и побуждение к речевой эмоции типа страха, путем описания негативных последствий ситуации.

Я заставлю тебя выглядеть как ребенок, и для меня не будет проблемой сделать это. Я выставлю тебя идиотом. Я унижу тебя перед лицом твоих же 60000 фанатов...

Угроза обычно используется как эксплицитное средство убеждения противника.

Ты выйдешь отсюда либо лежа на спине, либо на животе. Как ты хочешь? Вот именно, сиди тише, мелкая сучка. Вот именно, сиди и молчи...

Угроза, обвинение, унижение, оскорбление и под. преследуют одну речевую цель – демонстрацию неуважения.

Я помню Б., который нёс мой багаж. Я помню тебя, Б., как секьюрити для моих сумок...

Отметим, что в данном случае различие между унижением и оскорблением не принципиально. Здесь важен сам факт проявления презрения, превосходства (в том числе через речевое неуважение) по отношению к определенным ценностям оппонента, к его неотъемлемым идентифицирующим свойствам. В данном контексте незначим, как это ни покажется парадоксальным, признак приличной/неприличной формы. Цели проявления враждебной речевой эмоции презрения, воспринимаемой как унижение, могут быть различными.

Он будет моим подопытным кроликом. Потому что есть только один настоящий чемпион. Одно лицо и одно имя... Я хочу труп на своем счету. По-настоящему хочу...

При этом выражение презрения в норме не выступает как самостоятельная речевая цель. Оно проявляет себя как через демонстративное выражение речевого неуважения к предмету речи. Именно демонстрацию неуважения можно рассматривать как особую речевую цель, которая осуществляется за счет выбора такого именованного предмета речи, который не соответствует его социальному статусу и нормам публичной речи. В нижеприводимом примере это именование «подружка».

Как ты смеешь так со мной разговаривать? Стань передо мной на колени, и я тебя пожалую... Иначе я сделаю тебя моей подружкой...

Здесь относится и демонстрация неуважения с помощью брани в адрес предмета речи, а также высмеивание и издёвка. К наиболее продуктивным психолингвистическим средствам относятся умаление интеллектуальных, нравственных, профессиональных, физических качества оппонента.

Он выглядит как пугало. Дети пытаются снять свою маску, когда он идет на Хэллоуин...

Его тренер – полный идиот, предложивший мне выйти на бой, после того, как я на пресс-конференции сломал ему челюсть. Он хочет выйти против меня? И этот парень тренирует его... Представьте, что два этих идиота, два шута творят в зале...

Понижение статуса может связываться с установлением сходства с кем-то, с которым ассоциируется нечто плохое. Чаще всего сравнение осуществляется с помощью метафор.

С. – маленький жирный пудинг. У. – долговязый и переоцененный тип со слабым членом!...

Понижение статуса здесь связано с констатацией несоответствия претензий, которые имеет, по мнению говорящего, объект речи.

Это будет настолько односторонне, что будет похоже на групповое изнасилование...

На этом фоне проявляются элементы гиперидентичности адресанта, начиная с речевой цели – самовосхваления. Психологически это ведет к ухудшению эмоционального состояния противника (при обращении к нему, диалоге с ним) и к улучшению собственного эмоционального состояния адресанта.

Он будет моим подопытным кроликом. Потому что есть только один настоящий чемпион. Одно лицо и одно имя. Это – я...

Вы знаете, что я никогда никого не избегал. Вы ставите их передо мной, и я сбиваю их как кегли. Эту суку я тоже нокаутирую!

Я сливки общества, я засранец, который на вершине. Весь грёбаный мир может быть против меня, но я продолжу побеждать...

Я популярен, потому что болтаю всякое. Я раскручиваю себя и делаю заявления, на которые у других кишка тонка. Всем нравится меня ненавидеть. Без меня мир станет скучнее. Поэтому люди приходят посмотреть, как я устраиваю представление. Кто-то любит, а кто-то нет, но все хотят это видеть и все покупают билеты...

Таким образом, мы полагаем, что все описанные выше лингвистические и психологические составляющие следует рассматривать как основные структурные признаки речевого жанра трэш-тока.

Заключение

Положив в основу нашего исследования тезис В. В. Дементьева о том, что для понимания процесса эволюции речевого жанра необходимо учитывать оппозиции: национально-специфическое vs. универсальное, лингвистическое vs. экстралингвистическое, развитие новых явлений на национальной почве vs. заимствования, мы констатируем следующее. В отношении речевого жанра трэш-тока речь идет о психологической универсалии, которая в диахронии то «затухает», то актуализируется. В том числе за счет «внешних» влияний. Для объяснения этого допустимо использовать идею М. Ю. Лотмана о семиосфере: попадающие на периферию явления лингвокультуры (напр., хулиганские стихи) сохраняют за собой динамический потенциал. Как полагает Лотман, это связано с меньшим уровнем их организации и, следовательно, меньшим уровнем сопротивления новым процессам в культуре. Связано это также с тем, что периферийные образования могут быть представлены в качестве «чужих» для данной системы. Так, они выполняют функцию катализатора. Такое устройство образует внутренние границы семиосферы. Возникновение новой информации происходит именно тогда, когда информация пересекает эти границы, что мы можем наблюдать в случае восприятия речевого жанра трэш-тока как заимствованного [19].

Названная универсалия, как мы могли убедиться, объединяет лингвистические и психологические элементы для достижения основной речевой цели: лингвистически – публичной демонстрации неуважения к адресату на фоне самовосхваления; психологически –

убеждения публики в необходимости негативного отношения к предмету речи и собственного превосходства над адресатом, что ведет к ухудшению эмоционального состояния противника и к улучшению собственного эмоционального состояния.

В заключение, как принято, скажем несколько слов о перспективах исследования, которые нам представляются актуальными. С позиции диахронии пока что мало исследовалась западноевропейская средневековая дролери (фр. *drôleterie*) по сравнению с скальдическими хулиганскими песнями – нидами, и собственно русский стёб. С синхронной точки зрения интерес сегодня представляют такие речевые жанры, как буллинг (в т.ч. кибербуллинг) и моббинг, хейтинг и троллинг, тем более что они уже представлены в русской речевой картине. Помимо этого, уже существует наименование и, соответственно, новый объект исследования – кашенизм: стиль общения на форумах или в эхоконференциях, характеризующийся провокационными, главным образом просемитскими, антисемитскими, националистическими, агрессивно психиатрическими высказываниями и ситуационной насмешкой над собеседником.

Не менее интересны и такие жанры, которые пока что широко в русской речевой картине не представлены или не имеют эквивалентов (хотя и не факт, что при целевом исследовании мы не обнаружим в диахронии их аналоги): *the dozens, flaming, flyting, sledging, wolf-whistling, cat-calling, street-harassment*.

Наконец, с точки зрения межкультурной коммуникации и перевода интерес представляет реальная практика обучения трэш-току.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // *Жанры речи*. 2020. № 3 (27). С. 172–194. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>
2. Кошкарлова Н. Н. Публичное извинение : вчера, сегодня, завтра // *Жанры речи*. 2020. № 3 (27). С. 214–220. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-214-220>
3. Мокиенко В. М. Русская бранная лексика : цензурное и нецензурное // *Русистика*. 1994. № 1. С. 50–73.
4. Мясоедов Б. А. О хамстве и стервозности в русской жизни. М. : Русская энциклопедия, 1998. 240 с.
5. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М. : Ладомир, 1997. 330 с.
6. Дементьев В. В. Брань и межличностные отношения // *Злая лая матерная...* : сб. статей. М. : Ладомир, 2005. С. 35–54.
7. Лассан Э. Р. Рэп-баттлы как специфический жанр современной культуры // *Жанры речи*. 2018. № 4 (20).

С. 313–320. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-313-320>

8. Gauger H.-M. Das Feuchte und das Schmutzige : Kleine Linguistik der vulgären Sprache. München : Beck, 2012. 283 S.

9. Kniffin M., Palacio D. Trash-Talking and Trolling // *Human Nature*. 2018. № 29, iss. 3, pp. 353–369.

10. Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 149 с.

11. Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература. М. : Высшая школа, 1979. 192 с.

12. Матюшина И. Г. Перебранка в древнегерманской словесности. М. : РГГУ, 2011. 304 с.

13. Казаков Г. М., Петров Н. В. Сюжетные функции перебранок в эпической поэзии (саги и былины) // *Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2011. № 9 (71). С. 84–107.

14. Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игореве» // *Исследования «Слова о полку Игореве»* / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. С. 65–74.

15. Русский эротический фольклор / сост. А. Л. Топоркова. М. : Ладомир, 1995. 653 с.

16. История художественной самодеятельности в русской армии / под ред. Д. В. Хроботова. М. : ЦДРА, 2020. 37 с.

17. Колпакова Н. П. Опыт классификации традиционной крестьянской бытовой песни // Русский фольклор : материалы и исследования. Т. 5 / отв. ред. В. Е. Гусев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. С. 167–182.

18. Курская В. А. Песня Васи Обломова «Начальник» в русле традиции песни-поношения // Русская рок-поэзия : Текст и контекст : сб. статей. Екатеринбург : УрГПУ, 2016. С. 249–252.

19. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство, 2001. 703 с.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. What Have genre Studies Given to Modern Linguistics? *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>

2. Koshkarova N. N. Public Apology : Yesterday, Today, Tomorrow. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 214–220 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-214-220>

3. Mokienko V. M. Russian swear words : censored and obscene. *Rusistika*, 1994, no. 1, pp. 50–73 (in Russian).

4. Mjasoedov B. A. *O hamstve i stervoznosti v russkoj zhizni* [About rudeness and bitchiness in Russian life]. Moscow, Russkaja jentsiklopedija Publ., 1998. 240 p. (in Russian).

5. Zhel'vis V. I. *Pole brani. Skvernoslovie kak social'naja problema v jazykah i kul'turah mira* [The field of swearing. Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow, Ladomir Publ., 1997. 330 p. (in Russian).

6. Dement'ev V. V. Swearing and interpersonal relationships. In: *Zlaja laja materna... : sbornik statej* [Angry barking obscene : coll. sci. arts.]. Moscow, Ladomir Publ., 2005, pp. 35–54 (in Russian).

7. Lissan E. R. Rap Battles as a Specific Genre of Contemporary Culture. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 313–320 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-313-320>

8. Gauger H.-M. *Das Feuchte und das Schmutzige : Kleine Linguistik der vulgären Sprache*. München, Beck, 2012. 283 S. (in German).

9. Kniffin M., Palacio D. Trash-Talking and Trolling. *Human Nature*, 2018, no. 29, iss. 3, pp. 353–369 (in English).

10. Zhirmunskij V. M. *Jepicheskoe tvorcestvo slavjanskikh narodov i problemy sravnitel'nogo izuchenija jeposa* [Epic creativity of Slavic peoples and problems of comparative study of the Epic]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1958. 149 p. (in Russian).

11. Steblin-Kamenskij M. I. *Drevneskandinavskaja literature* [Old Norse literature]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1979. 192 p. (in Russian).

12. Matjushina I. G. *Perebranka v drevnegermanskoj slovesnosti* [Bickering in Old German literature]. Moscow, RGGU Publ., 2011. 304 p. (in Russian).

13. Kazakov G. M., Petrov N. V. Plot functions of alterations in epic poetry (sagas and epics). *RSUH/RGGU Bulletin. Ser. History. Philology. Culturology*, 2011, no. 9 (71), pp. 84–107 (in Russian).

14. Sokolova L. V. The beginning in “The Word about Igor’s Regiment”. In: *Issledovanija “Slova o polku Igoreve”*, pod red. D. S. Lihacheva [Lihachev D. S., ed. Research “The Words about Igor’s Regiment”]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otd-nie Publ., 1986, pp. 65–74 (in Russian).

15. *Russkij jeroticheskij fol'klor, sost. A. L. Toporkova* [Toporkov A. L., compl. Russian erotic folklore]. Moscow, Ladomir Publ., 1995, 653 p. (in Russian).

16. *Istorija hudozhestvennoj samodejatel'nosti v russkoj armii, pod red. D. V. Hrobsotova* [Hrobsotov D. V., ed. History of amateur art in the Russian Army]. Moscow, CDRA Publ., 2020. 37 p. (in Russian).

17. Kolpakova N. P. The experience of classification of traditional peasant household of the song. *Russkij fol'klor : materialy i issledovanija. T. 5, otv. red. V. E. Gusev* [Gusev V. E., ed. Russian folklore : materials and research, vol. 5]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1960, pp. 167–182 (in Russian).

18. Kurskaja V. A. Vasya Oblomov’s song “The Chief” in line with the tradition of the song-vilification. In: *Russkaja rok-pojezija : Tekst i kontekst : sbornik statej* [Russian Rock Poetry. Text and context : coll. of sci. arts.]. Ekaterinburg, UrGPU Publ., 2016, pp. 249–252 (in Russian).

19. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint-Petersburg, Iskusstvo Publ., 2001. 703 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 11.01.2021 / После рецензирования 20.02.2021 / Принята 23.03.2021

Received 11.01.2021 / Revised 20.02.2021 / Accepted 23.03.2021